

Каждые полгода выходит очередная книга Кингсли Эмиса и сразу становится бестселлером. Так произошло и с последними произведениями: «Мемуары», «Мы все виновны», «Русская девушка». За заслуги перед страной королева возвестила писателя в рыцарское достоинство, и теперь к нему обращаются не иначе, как «сэр Кингсли».

Писатель принял меня в своем двухэтажном доме на тихой лондонской улочке возле Риджент-парка.

— Прежде всего примите поздравления от читателей «Литературной газеты» с семидесятилетием, которое так широко здесь отмечали.

— Спасибо за поздравление. Действительно мое семидесятилетие отмечали очень торжественно, на него собрался весь аристократический и литературный цвет Лондона. Я считаю, что не заслужил такого празднования... Главный итог? Он, полагаю, в том, что я всегда занимался тем, к чему имею призвание. То есть литературной работой. Для меня самое большое наслаждение — садиться за стол и писать. Собственно, ничего другого мне не нужно. Мне жаль коллег, которые растрачивают себя и свое дарование на посторонние, порой совершенно чуждые литературе дела.

— Но ведь часто они не могут прокормиться одним литературным трудом.

— С этим аргументом я согласен. На Западе, да теперь и у нас, трудно прожить на писательский заработок. Поэтому писатель похож на предпринимателя. Только его проблема заключается в том, что и как произвести на бумаге, а дилемма: или пытаться по-настоящему творить — или развлекать публику. Вашим литераторам еще сложнее. Ведь ныне они брошены на произвол грубой и жестокой рыночной стихии, с которой, в отличие от нас, совершенно не знакомы. Для многих и у нас, и у вас, к сожалению, основное — не качество, а прибыль.

Теперь о другой проблеме, связанной с предметом нашего разговора. Я имею в виду совмещение литературного и иных занятий для того, чтобы, как вы сказали, прокормиться. Я вряд ли могу с уверенностью ответить на вопрос: мешает ли писать, к примеру, работа в офисе? То, что литератор должен знать мир — очевидно. Поэтому в какой-то период жизни каждому из нас, по моему, стоит где-то поработать. Тогда ты не из своей квартиры, а изнутри увидишь, как живут, о чем думают обыкновенные люди. Я, например, никогда не жалею о годах, проведенных в армии.

Но, где-то работая, ты непременно находишься под прессом начальства. А творческая личность не может жить по указаниям и командам. Таким образом, к внешнему давлению добавляется давление изнутри — твое «я» протестует. Поэтому, наверное, совмещать два заня-

Кингсли Эмис: У каждой творческой личности своя азбука

тия не надо очень уж долго. Да и вообще, что это за писатель, если творчество не поглотило его целиком и полностью! В смысле и времени, и — что еще важнее — духовной, умственной энергии. По крайней мере, я так считаю. В качестве иллюстрации расскажу о своем распорядке дня. Всегда встаю в 7.30. В 9.30 — за письменным столом. К этому моменту я уже знаю, о чем буду писать. Пока принимаю душ, бреюсь, завтракаю — настраиваю себя на работу. Хотя слово «настраиваю» не точное. Я уже пишу, только еще не держу ручку. До обеда не отвлекаюсь ни на какие дела — даже срочные телефонные звонки. Считаю, что успешно работать можно не больше четырех часов в сутки. Затем еду в «Гаррик»...

— Самый фешенебельный клуб Британии? На днях его члены приняли решение оставаться верными традиции и не допускать туда женщин. По этому поводу сейчас много шума.

— Да, видите, какие мы, англичане, консерваторы. В «Гаррике» действительно все по протоколу: костюмы желательны с бабочкой, перед обедом — аперитив, кофе подается в отдельном помещении... Но обстановка там, поверьте, достаточно непринужденная, много интересных людей. Я получаю за полтора часа немало полезных сведений. Вернувшись домой, уже не пишу. Читаю книги, газеты, разбираю почту. До работы над книгой этим не занимаюсь, чтобы не отвлекаться. Такой распорядок дня у меня и по воскресеньям, и даже в Рождество. Лишь в день семидесятилетия сделал себе «подарок» — разбotal на час меньше обычного. Но главное, со мной все время, и днем, и ночью, — слова, образы, сюжеты, которые потом появляются на бумаге. Вот сейчас заканчиваю книгу «Короткие истории». Некоторые из них были в моей голове тридцать, даже пять десятилетий. Но в папках, не в дневниках (хотя у меня, ко-

нечно, есть блокноты с записями), а прежде всего в голове.

В литературном труде не может быть твердых правил, как в грамматике или геометрии. У каждой творческой личности своя азбука. Однако человеку творческого труда я не доверил бы чем-нибудь руководить. Даже рыбной лавкой. Для этого он слишком артистическая натура. Я удивляюсь, когда у вас министром культуры становится то актер, то литературный критик. Хотя это, несомненно, спорный вопрос. И вы знаете, говоря о том, что писатели растрачивают себя на посторонние дела, я в немалой степени имел в виду литературный мир России. Эти бурные конфликты, создание всевозможных ассоциаций и федераций, митинги... Убежден, что художник не сумеет создать настоящее произведение, если он бежит с одного митинга на другой. Потому, наверное, и не слышно о новых ярких книгах в России.

— На ваш взгляд, писателю следует быть вне политики?

— Год назад, когда мы встречались, я рассказывал вам о том, что работаю над повестью «Русская девушка»...

— Теперь книга вышла. «Таймс» назвала ее «самым большим событием в английской литературе последних лет». Вы согласны с такой оценкой?

— Не мне судить. Повесть, несмотря на название, не о России и не о девушках. Ее тема — творчество и правда. В ней есть такой эпизод. Поэтесса Анна Данилова — одна из героинь — просит русского писателя помочь ей. А он отвечает: «Нет, я не помогу вам. Потому что вы используете литературу в политических целях. Для литературы это смерть». Я считаю так же. Писатель не может не интересоваться политикой. И не иметь своей точки зрения на происходящее. Но творить в политических целях — ни в коем случае!

— Многие ваши книги в той или иной степени посвящены нашей стране. В

некоторых она выглядит весьма неприглядно. Лет пятнадцать назад я читал ваш роман «Игры в прятки по-русски». Что там вытворяют русские, захватив Альбион! Переименовывают его в Английскую демократическую республику, закрывают школы, сжигают все книги. Ну и так далее. Подобных пассажей в некоторых ваших книгах немало. А в «Мемуарах», которые вышли в прошлом году, вы тепло отзываетесь о советских знакомых.

— Уже несколько десятилетий мое творчество переплетено с вашей страной. Правда, информацию о ней я, к сожалению, черпаю не из собственных поездок, а из книг, газет, рассказов тех, кто там побывал. Она часто субъективна, ее — горы, и не так просто отыскать истину, «золотую середину». Действительно, я порой крайне негативно высказывался о советской системе, потому что был и остаюсь решительным противником тоталитаризма. В то же время русские люди — чрезвычайно талантливые, яркие, интересные личности. Сейчас им очень трудно. Они живут в переломный момент. И писатели, деятели культуры — вся интеллигенция не может, конечно, оставаться в стороне.

Правда, тут наблюдается, по моему, некий парадокс. Сегодня голос интеллигенции особенно нужен, а его почти не слышно! Я порой задаюсь вопросом: участвует ли интеллигенция хотя бы в какой-то степени в определении будущего своей страны? Я не говорю о ссорах между писателями, делении на «левых» и «правых», скандальных и оскорбительных высказываниях в адрес друг друга. Это совсем не тот голос, в котором нуждается Россия. Да и голосом интеллигенции все эти скандалы не назывешь. Когда я читаю сообщения о них, то думаю: где благородство, которое всегда было свойственно лучшим писателям России, к примеру Борису Пастернаку! Почему не слышен голос интеллигенции? Очень уж непонятная, незнакомая ситуация сейчас в России. Какой была

Самый популярный в Великобритании писатель, приняв собственного корреспондента «ЛГ» в Лондоне, рассказал кое-что о себе, об английской критике, свободе творчества, а также о своем отношении к России, вчерашней и нынешней.

В настоящее время в типографии находится книга Кингсли Эмиса «Я хочу сейчас!», выпускаемая книгоиздательской фирмой «Литгазеты» «ЛГ-Бестселлер». Надеемся, читатель получит удовольствие от знакомства с этой веселой, раскованной, легко читаемой книгой известного английского писателя.

Россия до революции, люди знают. Пусть по книгам, но знают. А что будет теперь, предсказать крайне трудно. Даже пожалуй, невозможно.

Есть еще одна проблема. Каждому из нас необходимо знать, для кого он пишет, кто его читает. Настоящий литератор всегда учитывает отношения со своими читателями. А в России, насколько я понимаю, сейчас такая связь прервана или, по крайней мере, резко ослабла. Не говоря уж о том — и вы об этом знаете лучше меня, — что опубликоваться трудно, журналы стали выходить мизерными тиражами. Правда, я не воспринимаю этот процесс как трагический. Для того чтобы культура процветала, она не обязательно должна быть массовой. Крохотные тиражи, если подходить по сегодняшним меркам, отнюдь не мешали русской литературе прошлого века быть уникальным явлением. Литературой высочайшего класса!

— Сэр Кингсли, как вы относитесь к критике? Объясню мой вопрос. В пятидесятые и шестидесятые годы все всячески «поднимали на щит» в нашей стране за роман «Счастливчик Джим». Литературоведы объявили вас зачинателем движения «рассерженной молодежи», борцом против буржуазного строя. Роман не раз переиздавался, по нему защищали диссертации, писали монографии. Но потом наша критика сделала поворот на 180 градусов. В рецензиях, статьях, учебниках вы фигурировали как «ультраправый консерватор», даже «неофашист». Такие выводы сделали на основании ваших следующих книг.

— Да, в «Счастливчике Джиме», который вышел в 1956 году, советские, американские и некоторые западноевропейские литературоведы обнаружили то, чего там и в помине не было. Сколько статей я прочитал о «социальном протесте» моего героя против окружающей действительности! А Джим — обыкновенный скукающий преподаватель из провинции. Я не согласен с тем, что якобы появилось движение «рассерженной молодежи» (название то какое придумали!). Меня нарекли его основателем, а моими «последователями» — Уэйнз, Осборна, Брэйна, хотя мы сами о таком движении и не подозревали... Позже действительно критики в вашей стране стали обрушиваться на «злого анти-советчика» Кингсли Эмиса. А я не был ни тем, ни другим. Это критика соци-

ального заказа. Она чрезвычайно вредна, поскольку искажает литературный процесс, творчество писателей.

Не приемлю я критику волюнтаристскую, необъективную, произвольную. Вот меня недавно упрекнули во «всеядности». Да, я пишу и художественные произведения, и мемуары, и литературоведческие работы, и стихи. Романы мои тоже разные: антивоенные, сатирические, исторические, даже шпионские (к примеру, выпустил под псевдонимом книгу о новых приключениях Джеймса Бонда). Но знаете, с чем это связано? С неудовлетворенностью собственным творчеством. Не собираюсь защищаться, однако, по моему, творческая неудовлетворенность — необходимое художнику качество... А вообще критика — компас, который помогает литературе идти в нужном направлении.

— Один литератор из числа эмигрантов написал в нашей газете: «Единственное, что нужно писателю, — это свобода». Вы согласны с такой точкой зрения?

— Писателю нужна не только свобода. Нужны амбиции, энергия, желание сделать что-то полезное для своей страны. Убежден, что последнее качество совершенно необходимо. Еще раз социальность на собственное творчество. Ведь то, что говорят мои герои, часто отражает мое мироощущение. Так вот, в «Русской девушке», о которой уже заходила речь, англичанин спрашивает русского писателя, не хочет ли тот покинуть Россию. «Ты что! Это мой дом!» — возмущенно отвечает писатель. Такой диалог может показаться упрощенным, но он — и это главное — актуален. Перед сколькими моими коллегами в России стоит сейчас этот вопрос! И наверняка подавляющее большинство отвечает так же. В то же время писателю необходимо иметь возможность ездить, сравнивать, жить какое-то время в другом обществе. Но даже изгнанный из своего дома великий мастер слова Александр Солженицын намерен вернуться. А свобода, споры нет, необходимое условие для творчества.

Беседу вел
Михаил ОЗЕРОВ,
соб. корр. «ЛГ»

ЛОНДОН